63.3(2)

Анварские дни 1905. в Москве

3 Herroughly 30 the Cho

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1938 63,3(2) 960

Предисловие

Девятое января 1905 г. явилось мощным толчком в развертывании революционной борьбы рабочего класса всей России. На зверский расстрел петербургских рабочих, учиненный преступным самодержавием, пролетариат ответил массовым революционным выступлением.

Январское выступление пролетариата не было только случайным откликом на «кровавое воскресенье», оно было подготовлено всем предшествующим опытом революционной борьбы. Сотни тысяч рабочих, участвовавших в январской забастовке, безоговорочно присоединили свой голос к боевому призыву проле-

тариата Петербурга: «Долой самодержавие».

9-е января было пачалом революции 1905 г. Эта революция, но определению В. И. Ленина, была буржуазно-демократической революцией. Но в силу целого ряда особенностей русская буржуазно-демократическая революция 1905 г. резко отличалась от обычных буржуазных революций Запада, как по своим лвижущим силам, так и по социальному содержанию и методам борьбы. «Русская революция; — писал Ленин, — была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий» 1

¹ Ленин, т. XIX, стр. 345.

Больщевистская оценка характера и движущих сил революции 1905 г., борьба большевиков за гегемонию пролетариата, за его союз с крестьянством при нейтрализации либеральной буржуазии встретили ожесточенные атаки со стороны либеральной буржуазий, эсеров и меньшевиков. Буржуазия, перепуганная могучим выступлением пролетариата, открыто пошла на сделку с царизмом. Контрреволюционная политика буржуазии целиком была поддержана меньшевиками и эсерами. Меньшевики открыто призывали рабочих поддерживать политику буржуазии, отводя ей роль гегемона революции.

Разоблачая контрреволюционную политику либеральной буржуазии и предательство меньшевиков и эсеров, партия большевиков неустанно вела рабочий класс к развертыванию сил революции, к беспощадной борьбе с самодержавием. Большевики во главе с Лениным и Сталиным ставили первоочерелной задачей революции свержение самодержавия, установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, с тем, чтобы в дальнейшем ходе революции перейти к решению главной задачи —

завоеванию диктатуры пролетариата.

Большевистская стратегия и тактика революционной борьбы целиком вытекала из ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Борьба большевистской партии за практическое проведение в жизнь ленинского плана революции носила боевой характер. Большевики неустанно разоблачали предательскую тактику меньшевиков, которые исходили из того положения, что революция — буржуазная и поэтому она должна проходить под непосредственным руководством буржуазии. Меньшевики всеми силами боролись против руководящей роли пролетариата в революции и делали все для того, чтобы подчинить борьбу революционного пролетариата интересам буржуазии.

Предательская тактика меньшевиков целиком и полностью поддерживалась тогда меньшевиком, а ныне обер фашистом Иудой Троцким. Презренный враг народа Троцкий выступал против ленинского лозунга

обрабы за революционно-демократическую диктатуру пролегириата и крестьянства, он рассматривал крестьянство как сплошную реакционную массу, обрицал позможность перерастания буржуазно-демократической реполюции в социалистическую, не верий в силы рабочего класса и решительно боролся против гегемонии пролетариата в революции.

Контрреволюционную тактику меньшевиков, Троцкого и эсеров решительно разоблачали большевики.

Под руководством Ленина и Сталина, партия большевиков беспощадной борьбой с оппортунизмом всех мастей и оттенков обеспечила руководящую роль пре-

летариата в революции.

«Большевики, — писал товарищ Сталин, — отстайнали идею союза рабочего класса с крестьянством при гегемонии пролетариата. Большевики утверждали, что дело надо вести к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства с тем, чтобы от революции буржуазно-демократической перейти немедленно к революции социалистической при обеспечении поддержки со стороны деревенской бедноты. Меньшевики в России отвергали идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, политике союза рабочего класса с крестьянством они предпочли политику соглашения с либеральной буржуазией, а революционно-демократическую диктатуру пролетарията и крестьянства объявили реакционной бланкистской схемой, противоречащей развитию буржуязной революции» ¹

×

Прошло свыше тридцати лет со времени первой революции и 20 лет со дня завоевания диктатуры пролетариата. Рабочие и трудящиеся социалистической Москвы и всего СССР могут с гордостью сказать, что их борьба, под руководством партии Ленина — Сталина в 1905 г. и в последующие годы не была напрасна.

¹ Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 470—471, изд. 10-е.

...«Движение за Советы Рабочих Депутатов, — говорил товарищ Сталин на Первом всесоюзном совещании стахановцев, — начатое в 1905 году ленинградскими и московскими рабочими, привело в конечном счете к разгрому капитализма и победе социализма и одной шестой части мира».

Руководимые партией большевиков рабочий класс и трудящиеся массы нашей СССР уничтожили навсегда в нашей стране господство помещиков и капиталистов, эксплоатацию человека человеком, и в результате этой всемирно-исторической победы создали могучее социалистическое государство рабочих и кре-

стьян.

Успехи социализма доститнутые в СССР ярко отражают гениальность ленинско-сталинской линии нашей партии. Под знаменем большевистской партии, под знаменем великого Сталина рабочие и трудящиеся нашей славной социалистической родины с величайшей гордостью успешно ведут борьбу за построение коммунистического общества. Величайшие победы социализма в СССР нашли яркое отражение в Великой Сталинской Конституции победившего социализма.

Настоящая брошюра призвана познакомить широкие слои трудящихся с историей героической борьбы московских рабочих в первый период революции 1905 г., давший мощный толчок к развертыванию массовых революционных боев в 1905 г. Составленная на основе материалов Истпарта МК ВКП(б), настоящая брошюра является одной из серии популярных брошюр, освещающих историю московской организации большевиков и наиболее важные события революционного движения трудящихся Москвы и Московской области.

Брошюра выходит вторым, переработанным изданием. Первое издание вышло в начале 1933 г.

9 января 1905 года

Экономические и политические предпосылки первой революции

9 января 1905 г. — начало первой революции в России. События 9 января послужили мощным толчком к революционному выступлению угнетенного, бесправного рабочего и полукрепостного, ограбленного помещиком крестьянина. Революция 1905 г., начиная с января, боевыми шагами прошла по беспредельным пространствам России. Все более и более нарастая, она из городов перекинулась в села, проникла в казарму и на военные корабли, ознаменовалась героическими баррикадными боями на Краской Пресне и хотя не победила, но крепко поколебала основы самодержавия, рухнувшего окончательно под вторичным ударом в 1917 г. Революция 1905 г. была репетицией, подготовкой к революционным победам 1917 г.

Понятно, что революция 1905 г. не явилась неожиданностью для тех, кто внимательно следил за развитием массового рабочего и крестьянского движения

в России.

Владимир Ильич, делая первые выводы из событий 9 января, в статье «Новые задачи и новые силы» дал яркое марксистское освещение назревания революции:

«Развитие массового рабочего движения в России в связи с развитием социал-демократии характеризуется тремя замечательными переходами. Первый переход — от узких пропагандистских кружков к инфо-

кой экономической агитации в массе; второй — к иолитической агитации в крупных размерах и к откоытым уличным демонстрациям; третий — к настоящей гражданской войне, к восстанию. Каждый из этих пе реходов подготовлялся, с одной стороны, работой социалистической мысли в одном преимущественно направлении, с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе. Эти изменеция происходили иногда бесшумно, накопление сил пролегиринтом совершалось за сценой, незаметно, пызывая передко разочарование интеллигентов в прочиссти и жизненности массового движения. Затем наступал перелом, и все революционное движение как бы сразу поднималось на повую, высшую ступень» 1.

Этими словами Ленин подчеркцуй, что 9 января только вскрыло и обнаружило то, что годами зрело и накоплялось в рабочем классе и что так бурно затем проявилось в революционной борьбе 1905 г. Уже на заре русского капитализма—в 70-х годах проилого столетия— рабочие в своей борьбе с капитали-

стами стали прибегать к забастовкам.

В мае 1870 г. произощла первая забастовка в Петербурге на Невской бумагопрядильне. Из 240 бастовавших рабочих 57 человек были присуждены к тюрь-

ме на долгие годы.

Тяжелые кары не прекращали забастовок. Забастовочное движение получило распространение и в Москве и в провинции. В редких случаях рабочим удавалось добиться уступок от капиталистов — чаще бастовавшие подвергались жестоким преследованиям.

В первые годы забастовок рабочие шли с жалобой на хозяина к приставу, к градоначальнику. На опыте они постепенно убеждались, что начальство держит сторону хозяина, что царский чиновник — такой же враг рабочего, как и фабрикант. На уроках борьбы рабочие постепенно приходили к сознанию, что надо бороться не только против хозяина, но и против пра-

¹ Ленин, т. VII, стр. 142.

вительства. Статистика стачечного движения наглядно показывает, как из года в год крепла борьба и повышалось политическое сознание рабочего класса.

За время с 1895 по 1900 г. прошло по России 860 стачек. В следующее пятилетие — с 1900 по 1904 г. — число стачек увеличилось до 905, причем в первом из указанных пятилетий 34 забастовки сопровождались предъявлением политических требований, а во втором — уже 144. Рабочий бастовал потому, что он задыхался от бесправия, от полицейского произвола, он голодал, топул, в грязи бескультурья и нищеты:

Не лучше было положение крестьянина. После «освобождения» 1861 г. крепостное право для крестьян фактически сохранилось больше чем наполовину вплоть до революции 1917 г. Право крепостника распоряжаться жизнью и свободой своего раба было отменено лишь накануне 1905 г.: телесное наказание для крестьян правительство отменило в 1904 г., круговую поруку — в 1903 г.

«Освобождение» 1861 г. — это, как писал Ленин, не освобождение крестьян от власти помещиков, а освобождение крестьян от земли.

Крестьянину не отдали всей земли, которую он обрабатывал в крепостное время. Ему оставили только часть этой земли, другую часть отрезали в пользу помещика, причем отрезали не только лучную часть крестьянских наделов, но главным образом ту часть, без которой невозможно вести крестьянское хозяйство: выгон, дорогу к выгону, к водопою, лес, луг.

Крестьянство вынуждено было все эти угодья арендовать у помещика, а следовательно, и после «осво-

бождения» оставаться у него в кабале.

Земельное ограбление крестьян проивошло в значительных размерах. В 21 губернии черноземной полосы из 14 миллионов десятин, бывших до отмены крепостного права в крестьянском пользовании, отрезано было около 4 миллионов десятин, следовательно, больше четверти.

В Поволжье крестьянской земли было отрезано

еще больше — 35°/о, на Украине — 32°/о и т. д.

Но и «освобожденную» землю крестьянин получилне безвозмездно. В нечерноземной полосе крестьяне уплатили за «освобожденную» землю 342 миллиона рублей в то время, когда ее стоимость была всего 180 миллионов. В Московской губернии с крестьян за десятину взяли по 51 рублю 33 копейки, а цена ей в то время была только 26 рублей.

Для того же, чтобы крестьянин в результате такой грабительской сделки не мог бросить землю и своевременно вносил за нее выкуп и проценты, его прикрепили к общине и обязали круговой порукой. Общество отвечало за него, оно следило, чтобы крестьянин своевременно платил выкуп.

От такого «освобождения» крестьян помещик получил: 1) лучшие земли, 2) дешевые рабочие руки, 3) высокую арендную плату за луг, выгон и т. д., 4) огромный выкупной капитал, собранный с обезземеленного крестьянина. Выиграли от этого «освобождения» и капиталисты, получившие огромную армию безработных, готовых из-за куска хлеба продавать свою рабочую силу.

На выкупной долг беспрерывно нарастали проценты, и к январю 1900 г. крестьяне переплатили свыше полутора миллиардов рублей за ту землю, которая во время «освобождения» стоила немногим больше 600 миллионов рублей.

В результате непосильных платежей за крестьянством накапливались большие недоимки, которые беспощадно выколачивались полицейской силой. Крестьянство нищало и разорялось.

Начиная с 1889 г. для удержания крестьян в повиновении был введен институт земских начальников. Земский начальник был представителем дворянской ликтатуры над деревней. Он мог подвергать крестьян наказанию и даже пороть их розгами.

Особенно невыносимым становилось положение крестьян в годы неурожая. Крестьяне в отчаяний брались за косы, за вилы и шли разорять насиженные

гнезда своих угнетателей.

Непрерывно нарастало престыянское движение.

Из общего числа 50 губерний Европейской России крестьянским движением было охвачено в период 1886—1890 гг. 2 губернии, в 1891—1895 гг. — 8 и в период 1896—1900 гг. — 24 губернии. В начале XX века крестьянское движение начало принимать еще более массовый характер.

Начало XX века принесло с собой дальнейшее ухудшение экономического положения рабочих и крестьян:

С окончанием железнодорожных построек (Сибирская железная дорога) начался кризис русской металлургической промышленности. С 1901 г. надает не только производство рельсов, но и общее количество выплавляемого чугуна. Число рабочих-металлистов на юге России с 45 тысяч в 1899 г. упало до 39 тысяч в 1901 г.

1901 год принес с собой неурожай. Уже осенью этого года появляются грозные для помещиков признаки крестьянских восстаний.

В 1902 г. аграрным движением было охвачено 80% герритории России. В одной Полтавской губернии было разгромлено 54 помещичьих усадьбы. Царское правительство жестоко расправлялось с восставшими. Крестьян секли целыми деревнями, бросали в тюрьмы, рассгреливали. Но все эти жестокие меры не могли сломить крестьянского движения.

В 1903—1904 гг. это движение временно затихло, чтобы в 1905 г. снова разразиться по всей Росфии бурной революционной прозой. Назреванию этой революционной грозы сопутствовал рост оппозиционных настроений среди буржуазии и ее интеллигенции. С одной стороны, неудачи в войне с Японией обнаружили неспособность царского самодержавия защитить интересы буржуазии на международной арене. С другой стороны, к борьбе с царизмом толкал буржуазию промышленный кризис, усугублявшийся феодальными, помещичье-дворянскими путами, тормозившими общественное развитие.

Ленин в статье «Самодержавие и пролетариат» писал:

«Самодержавие не может не задерживать общественного развития. Чем дальше, тем больше сталкиваются с самодержавием интересы буржуазйи, как класса, интересы интеллигенции, без которой немыслимо современное капиталистическое производство.. Крайне важно для сознательного пролетариата ясно понимать и неизбежность либеральных протестов против самодержавия и действительный буржуазный характер этих протестов» :

-Студенчество и либеральные земцы накануне 1905 г.

все активнее стали выражать эти протесты.

В 1900—1904 гг. проходит ряд студенческих волнений и забастовок. Студенты требуют реформы высщей школы, кос-где выставляют и политические требования.

Конечно, либералы хотят «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к

«уступкам» духу времени.

Буржуазия добивается реформ, чтобы заинть руководящую роль в государстве и спасти «Российскую империю» от угрожающего ей революционного потрясения, которое все явственисе назревало. Лаже тупое царское чиновничество начинает понимать, откуда идет опасность.

Уже в 1901 г. Святополк-Мирский, тогда шеф жандармов: а впоследствии, во время русско-японской

войны, министр, писал:

«Поставия себе конечной целью создать из рабочих организованные массы для борьбы с правительством за осуществление своих идей, агитаторы, к сожалению, значительно успели в этом. Последние три-четыре года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию, семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней».

¹ Ленин, т. VII, стр. 29—30.

Не останавливаясь перед выбором средств, правительство старается овладеть настроениями рабочих и отвести движение в сторону от нолитики.

Начальник охранного отделения Москвы Зубатов явился творцом целой программы овладения рабочим

движением.

Под его руководством начинают создаваться легальные «рабочие организации» якобы для защиты интересов рабочих. Организации эти находятся под заботливым попечением полиции.

В Москве 14 февраля 1902 г. был утвержден устав зубатовского общества под названием «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом

производстве».

Под руководством «общества» прошло в Москве даже несколько забастовок. Движение начало переходить далеко за рамки, намеченные Зубатовым. Это испугало московских фабрикантов. Зубатов ушел в отставку, закрылось в Москве и зубатовское «общество», но «зубатовщина» не прекратилась. Она пышным цветом расцвела в Петербурге, где во главе этого дела стал священник Гапон. Гапон ставил своей залачей «свить среди фабрично-заводского люда гнездо, где бы Русью пахло, откуда бы вылетали здоровые, самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя».

Так правительство старалось опутать рабочего,

чтобы отвлечь его от революционного движения.

Японская война ускорила развитие событий. Царское правительство, не довольствуясь колонизацией своих окраин, тянулось к новым захватам. Оно закренило свое влияние и в Манчжурии, оно протягивало теперь свок жадные руки к богатствам Кореи, и колониальные интересы русского империализма столкнулись с интересами Японии. Началась война, при помощи которой царское правительство надеялось, кроме того, разрядить революционную энергию, накопившуюся в рабочем классе и крестьянстве.

С самого же начала войны (февраль 1904 г.) Япония стала наносить царским армиям, а затем и флоту удар за ударом. Царские генералы, не жалея пущеть

ного мяса, вели на убой армию за армией. Возмуще-

ние в стране все больше и больше нарастало.

«Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятное брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу» 1.

Из-за войны быстро поднялись все цены. Реальная заработная плата с октября 1903 г. по октябрь 1904 г.

упала не меньше чем на 20—25%.

Снова стала подниматься волна забастовочного движения. Декабрь 1904 г. ознаменовался грандиозной стачкой бакинских рабочих. Это была уже чисто политическая стачка. Наряду с экономическими требованиями бакинские рабочие предъявили требование об окончании войны, о созыве Учредительного собрания, о свободах.

Почти одновременно поднялась забастовочная вол-

на и в Петербурге.

3 декабря началось движение на мануфактурной фабрике Кожевникова. 17 декабря забастовали ткачи Новосамисоньевской мануфактуры. Вскоре же вспыхнула и историческая забастовка на Путиловском заводе.

«Да. Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции. О ее продолжении печется само правительство своей военной авантюрой. О поддержке и расширении серьезного революционного натиска позаботится русский пролетариar» 2.

Кровавое воскресенье

В декабре 1904 г. на Путиловском заводе было уволено 4 старых рабочих. Уволенные принадлежали к гапоновскому союзу «Собрание русских рабочих». Они обратились в свой союз за защитой.

¹ Лении, т. VII, стр. 49. ² Там же, стр. 50.

Гапон вначале не предпринимал ничего, думая, что конфликт мирно уладится. Но со стороны рабочих началось недовольство. Они нажимали на союз, требуя от него действий. Перед Гапоном стояла дилемма: или потерять свое влияние на рабочую массу или возглавить движение. Он вынужден был избрать последнее, начав ходатайствовать перед администрацией завода и властями. Рабочие ходили делегацией к фабричным инспекторам, к градоначальнику Фуллону, но ничего из этого не выходило.

З января путиловцы забастовали. — События развивались очень быстро.

Путиловцы разослали делегатов по разным фабрикам и заводам Петербурга с предложением поддержать забастовку. 4 января путиловцы явились на Франко-русский завод, где в тот же день рабочие, предъявившие требование о сокращении рабочего дня до 8 часов, прекратили работу. На Франко-русском заводе работало тогда 2 тысячи человек. Представители Путиловского завода были на металлическом заводе, в мастерских Варшавско-венской железной дороги, яз Семянниковском заводе, на бумагопрядильной и ниточной фабриках Штиглица и Екатеринтофской бумагопрядильне, на Обуховском и Александровском вагоностроительных заводах, на фабриках Российской бумагопрядильной и резиновой мануфактуры и на других крупных предприятиях.

7 января забастовка сделалась всеобщей. Бастовало до 150 тысяч рабочих.

Революционные организации не были подготовлены к тому, чтобы возглавить это широкое движение. В результате «Союз русских рабочих» очутился воглаве забастовки.

Гапон вел двойную игру: не порывая связи с властями, он одновременно объезжал отделы союза, поддерживая возникшую тогда мысль итти к царю с петицией.

Шествие с петицией было назначено на 9 января. 9 января с угра в районах Петербурга стали собираться рабочие к отделам гапоновского союза.

К полудню колонны демонстрантов из разных концов города с иконами и царскими портретами стали направляться к Дворцовой площали. И тут начался организованный расстрел безоружных рабочих.

С половины второго до четырех часов пополудни регулярные царские войска, пехота и конница, стреляли в безоружных рабочих, рубили шашками женщин и детей. Очевидец расстрела на Дворцовой плонади так рассказывает об этом в большевистской га-

зете «Вперед», выходившей в Женеве:

«Я пробрался на Дворцовую площадь. Кавалерия лошадьми и шашками разгоняла демонстрантов, но освободившееся от солдат место сейчас же занималось демонстрантами. Ругали солдат и офицеров на чем свет стоит. Иронически кричали «ура». Александровский парк был заперт, и многие из демонстрантов перелезли через решетку в парк и отгуда кричали солдатам. Многие сидели на решетке (удобно в том отношении, что кавалерия не может достать до них). Я пробовал туда попасть, но не мог взобраться. Пришлось под напором лошадей итти на Невский. Немного погодя послышался снова рожок, и павловцы вместе с кавалерией дали три залпа по рабочим в парке. Последствия были ужасны, Многие из убитых, сидевших на решетке, зацепившись брюками за гвозди от решеток, так и висели в воздухе. Других увозили убитыми и ранеными. Перевязывать их некому было и убирать их тоже невозможно — сад закрыт. Нас стали сильно теснить, и я очутился у Красного моста. Убитых увозили обыкновенно знакомые. Видел даму, по виду торговку, убитую на извозчике: ноги висели в воздухе, по дороге потеряли один валенок. Скоро увезли убитого студента и рабочего. Рабочего взяли на руки и несли до Мойки на руках. Публика снимала шапки и кричала «ура», «долой деспотизм», От смирения тут уже ничего не осталось».

В некоторых частях города отступающие рабочие пробовали обороняться. На Васильевском острове были сооружены баррикады, но продержались недолго. К вечеру 9 января войска разгромили рабочих.

В этот день было убито и ранено свыше полугора

тысяч человек. Одних убитых насчитывалось до 500 человек.

События 9 января нанесли сокрушительный удар по монархическим иллюзиям, еще распространенным в тот период в рабочей среде. О том, какое огромное значение имело 9 января для пробуждения сознательности рабочих, говорит такой факт. К концу дня 9 января группа рабочих завладела типографией, напечатала воззвание с призывом к вооруженному восстанию против царизма и подписала это воззвание именем РСДРП. Вот текст этого воззвания, приводимый Владимиром Ильичем в статье «Две тактики»:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Граждане! Вчера вы видели зверства самодержавного правительства! Видели кровь, залившую улицы! Видели сотни убитых борцов за рабочее дело, видели смерть, слынали стоны раненых женщин и беззащитных детей! Кровь и моэти рабочих забрызгали мостовую, мощеную их же руками. Кто же направил войско, ружья и пули в рабочую грудь? — Царь, великие князья, министры, генералы и придворная сволочь.

«Они — убийцы! — смерть им! К оружию, товарищи, захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое. Да здравствует революция, да здравствует Учредительное Собрание Народных Представителей! — Российская С.-Д. Рабочая Партия».

9 января было переломным моментом в истории рабочего движения в России. Это ярко отражено в

приводимых Лениным цифрах:

За последнее десятилетие перед 1905 г. в России насчитывалось, по правительственной статистике, 430 тыс. стачечников, а за один лишь январь 1905 г.— 440 тыс.; за один лишь первый месяц революционного года больше, чем за десять предыдущих дет, включая предреволюционный нериод.

STERVINE STE

17

Волна стачечного движения, начиная с января, подымалась все выше. Движение охватило армию и флот. В июне заговорили батареи «Потемкина». С осени, после снятия урожая, в движение включилось и крестьянство. Запылали помещичьи усадьбы в Тамбовской, Курской, Воронежской, Киевской, Черниговской, Подольской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях. По официальным данным, за короткий период крестьяне разгромили помещичью собственность на 29 миллионов рублей.

Декабрьское восстание в Москве заключило этот первый, небывало могучий цикл первой русской рево-

люции,

Январь 1905 года в Москве и губернии

Положение московских рабочих

События 9 января на второй же день вызвали боевой отклик во всей стране. В Москве уже к вечеру 10 января забастовало свыше 10 тысяч рабочих.

В Москве знали о развивающейся в Петербурге всеобщей забастовке, настороженно прислушивались к тому, что происходило там. Нужен был лишь толчок, чтобы московские рабочие поднялись и заявили о своих требованиях, о своих правах. Положение московских рабочих было не лучше петербургских. Кризис принес с собой и в московскую промышленность безработицу, понижение жизненного уровня и наступление капиталиста.

Только за одно первое полугодие 1904 г. в ряде производств — шелковом, шерстяном, суконном, кондитерском, кирпичном и др. — произошло сокращение рабочих на 10 — 12%.

Металлообрабатывающей промышленности Московской губернии кризис коснулся меньше, но все же и

здесь развивалась безработица.

При этом не только закрывались предприятия, но сокращалась и без того низкая зарплата на работающих предприятиях.

В докладе фабричных инспекторов Московской губернии о причинах январских забастовок находим такие данные:

«Соответствия между заработком рабочих и стоимостью жизни в Москве не только не существует, но за истекшие 7 лет наблюдается, что при подъеме цен на харчевые продукты первой необходимости на 15— 45%, не касаясь возрастания стоимости квартир, заработок рабочих увеличился лишь на 12%, да и то эта цифра относится к 1903 г. В гекущем же и в истекшем году, за сокращением на многих фабриках продолжительности рабочего времени, эту цифру без ощибки можно еще уменьшить. Несомненно, указанное несоответствие составляет одну из самых коренных причин недовольства рабочих».

Жилищные условия московских рабочих были невыносимы. На фабриках и заводах Москвы было около 60% пришлого рабочего населения. Дороговизна квартир вынуждала рабочих крупных фабрик жить в рабочих казармах.

Жутко описывать, что тогда представляли собой эти казармы, в которые хозяева «помещали» рабочих, создавая при этом такие условия, чтобы можно было контролировать досуг и всю их жизнь.

Теснота, грязь, сырость, вонь — вот что окружало рабочего в его казарменном быту. Рабочий жаловался: «лошади в конюшне лучие». Вот как вспоминает о ка-

зарменной жизни один из рабочих-пекарей:

«Жизнь пекарей до 1905 г. была поистине каторгой. Если на некоторых фабриках и заводах начиная с 1897 г. и установлены были «праздничные» дни наполовину, то у пекарей этого совершенно не было. Рабочий день начинался с 5 — 8 часов вечера и продолжался до 8 — 10 часов следующего дня. Нагрузка была настолько невероятно тяжелой, что многие к тридцати годам жизни выглядели буквально стариками и в сорок лет уезжали в деревню, непригодные к ра-

боте. Едет умирать к своей семье, говорили оставшиеся.

Отсутствие вентиляции и сколько-нибудь сносных помещений усложняло этот труд еще пуще. Обычно для пекарен снимались подвальные помещения, где были расположены и спальни. О, кто бы мог видеть, что это за спальни!

Представьте себе общирный сарай с дощатым помостом.

В такой «спальне» были устроены нары, иногда в два этажа. Место для каждого человека отделялось перегородками, напоминавшими гробы.

В углу где-либо ставилась «параша», издававшая вонь.

Нары никогда не чистились и были наполнены всевозможными паразитами. Более оборудованные помещения были только у Филлипова, Виноградова и Найденова.

Там к 1905 г. уже были установлены койки, которые, однако, стояли так же в ряд, как и парные «гнезда».

Рабочие содержались в этих пекарнях, как рабы. Обычно окна помещений булочных были в решетках.

Двор, где помещалась пекарня, обнесен деревянной высокой стеной или забором с колючей мроволокой, причем ворота все время держались на запоре Если рабочему нужно было пойти куда-либо, он должен был проходить через булочную, которая торговала с 5 часов утра до 11—12 часов ночи. При этом рабочий всегда подвергался опросу: куда он идет, зачем? В большинстве пекарен, в том числе и у Филиппова, практиковался обыск уходящего «центровым» или сторожем.

За особые заслуги перед хозяином разрешалось в год раз на две недели выписать жену из деревни. Тут же громоздилась около нар особая ширма, где «счастливчик» мог спать с женой, иногда под хохот остальных. Пьянство, картежная игра были постоянными спутниками пекарни».

Особенно угнетало рабочего его беспомощное праповое положение.

В вопросах приема и увольнения хозяин делал,

что хотел.

Никакого закона, защищавшего рабочего, не существовало. В вопросах зарплаты, расценков, времени работы, выдачи заработка хозяин не был связан никаким законодательством, — все зависело от хозяйского произвола.

Хозяин, его инженер, мастер самовольно распоряжались заработком рабочего: захотят — сбавят рас-

ценки, захотят — повысят.

В докладе одного фабричного инспектора читаем: «Сбавка расценков на зимнее время до сих пор нередко наблюдается на фабриках Московской тубернии, ластавляющая рабочих пополнять свой упавший заработок сверхурочными работами». «Просят сами поработать сверх срока». — говорят про рабочих заведующие в таких случаях, между тем как отказавшиеся от производства «необязательных» сверхурочных работ обычно увольняются».

Рабочего эксплоатировал не только хозяин, но и мастер. Не угодишь мастеру — он тебе насолит: и расценок сбавит и на худшую работу поставит. Мастера нало подкупить «могорычем», «гостинцем». На фабриках Московской губернии был обычай — после праздликов приносить из деревни мастеру «гостинцев». Этот обычай был до того узаконен, что мастер считал себя обиженным, если не получал «гостинца».

Рабочему не к кому было обратиться за защитой. Фабричный инспектор был, как правило, на стороне козлина, а если и «заступался» за рабочего и передарал его дело в суд, то здесь уже тяжелая, бездушная бюрократическая машина так затягивала дело, что

рабочий не рад был.

Нужда, голод, неуверенность в завтрашнем дне, произвол, бесправие, бескультурье накапливали в ра-

бочем ненависть к своему угнетателю.

Вот почему, когда 9 января грянули в Петербурге первые выстрелы революции, московский рабочий сейчас же на них откликнулся.

Ход событий

По данным фабричных инспекторов, уже 10 января в Москве было охвачено забастовкой 24 предприятия с 10 988 рабочими и в уездах — 2 предприятия с 450 рабочими.

Из крупных московских предприятий в первый день забастовали: Бромлей — 1 100 рабочих, чугунолитейный завод Добровых и Набгольц — 850, ситценабивная фабрика Цинделя — 2 500, шерстоткацкая фабрика торгового дома Шрегер — 1 500, типо-литография Сытина — 1 100 человек и др.

Движение началось в Замоскворецком районе. 11 января замоскворецкие рабочие делают попытку расширить забастовку, но им мешают действия полиции и казачьих частей. Тем не менее в этот день к забастовке примыкает еще 40 новых предприятий с S 796 рабочими.

Из крупнейших предприятий в этот день забастовали: суконная фабрика Бахрушина — 1 100 человек, его же кожевенный завод — 500, машиностроительный завод Густава Листа — 380, вигонепрядильная фабрика Шляхтермана — 600, газовый завод — 950, машиностроительный завод Гоппера — 420 человек и др

И на второй день забастовка в основном держа-

лась в Замоскворечье.

В № 88 «Искры», в корреспонденции из Москвы, об этом союбщалось: «Замоскворецкий район, начиная с крупных фабрик и кончая прачечными, весь забастовал дружно. Понятно, что администрация обратила на него самое серьезное внимание. Где только возможно было, расставили войска, пеших и конных жандармов и полчица городовых. Шпиков на обычных постах не было в течение полутора недель, — надо полагать, они посланы были вырывать наиболее выдающихся рабочих. Город также не был забыт. Большинство бастующих типографий помещается в центре. Возле типографий стояли войска. На Зубовском бульваре в доме Кунина были специально наняты пустующие квартиры для них»,

12 января забастовочное движение из Замоскворечья перебросилось в другие районы города. Рабочие действовали активио, преодолевая сопротивление полиции и войска. Рабочие забастовавших предприятий стремились приостановить работу на других фабриках и заводах.

Вот один из фактов снятия с работы 12 января рабочих фабрики Гужона, в описании директора этого завода Флейснера в официальной записке, поданной приставу 3-го участка Лефортовской части:

«По заводу разнесся слух, что забастовавшие на котельном заводе Бари рабочие в количестве около 500 человек направились на металлический завод с целью воспрепятствовать продолжению работ, но были задержаны у Покровской заставы и рассеяны полицейским нарядом и вызванными военными командами. Рабочие на заводе уже открыто говорили, что после обеденного перерыва работы будут ими приостановлены. Вскоре до сведения заводской администрации дошло, что через заводский забор перелезло несколько человек, которым удалось проникнуть в мастерские Настроение на заводе сделалось тревожным, хотя до 12 часов дня работы шии обычным темпом и рабочие не предпринимали никаких агрессивных действий. Были вытребованы войска — батальон пехоты и эскадрон кавалерии. В 12 часов дня раздалоя обычный авонок, и рабочие спокойно стали расходиться на обед, а на непрерывных работах — в железопрокатном стане и фасочно-литейном отделениях рабочи: продолжали занятия.

По выходе из завода рабочие смешались с поджидавшими их в разных местах лицами в одну группу и затем разошлись.

В час дня рабочие, как то и требуется правилами внутреннего распорядка, начали собираться и возвращаться к своим местам, и в это время с общей массой в завод вошло, как было затем замечено, около 10 посторонних человек. Возвратившиеся рабочие, однако, за работу не брались, в мастерских стоял гул, и забастовка начиналась».

В этот день, 12 января, в Сущевской части забастовали кондитерская фабрика «Реномэ» — 500 человек, в Басманной части — Бронзово-меднолитейный завод Гакенталя — 500 человек, в Лефортове — механический завод Т-ва Московского механического завода Гужона — 2 тысячи человек.

После полудня в этот день забастовали огромные мастерские Московско-Курской железной дороги. 12 января в Москве к забастовке присоединилось еще 7 тысяч человек. Официальные документы так подводили итоги трех дней: «Сегодня к стачке присоединилось 21 промышленное заведение, всего бастует 14 тысяч рабочих (явно преуменьшено). Войсками, нолицейскими нарядами приняты меры к охранению центральных частей города, воспрепятствованию соединений отдельных забастовочных групп и ограждению безопасности желающих продолжать работы. Сегодня при замечаемом повышении настроения было несколько столжновений забастовщиков с нарядами, но в действии оружием надобности не представилось».

13-го к забастовке примкнули табачные фабрики «Дукат», «Габай», кондитерское производство «Сиу»

и др., всего около 3 тысяч человек.

14-го в забастовку включается Прохоровская мануфактура — 6 тысяч человек, фабрика Бостанжогло—1100, Рязано-уральские железнодорожные мастерские — 1500 человек.

14 января является днем наивысшего подъема стачки. О настроениях этого дня читаем в письме, напе-

чатанном в № 5 газеты «Вперед»:

«В Москве все взволнованы и потрясены петербургскими событиями, и теперь, кто со страхом, кто бодро, ждут событий в Москве. Начало революционному движению здесь уже положено. Забастовала масса фабрик и заводов. Войска и полиция все время наготове. Замоскворечье оцеплено войсками, и там для терроризации народа 10 января возили пушки. Передают, что вызывали еще войска из Нижнего-Повгорода».

1.5-го числа волна забастовочного движения начинает спадать, и к 19—20 января московская январская

забастовка затихает.

В Московском уезде самая высокая точка движения падает на 13 и 14 января. В эти два дня бастуют, по данным тех же московских фабричных инспекторов, 5 тысяч человек, а всего за время забастовки по уезду бастовало 7 195 человек. Из более крупных предприятий в уезде бастовали: Даниловское товарищество сахарного рафинадного завода — 600 человек, медно-котельный и литейный завод Дангауэра и Кайзера — 400, фабрика жестяных изделий и ваксы Бонакера — 450, бумаготкацкая фабрика Фейфера — 400 человек.

15-го забастовали Мытищинский завод — 1700 человек, Трехгорный пивоваренный завод — 800, Люберецкий тормозной завод Пурде — 350 человек. Движение началось было на фабриках Богородска и в Орехово-Зуеве, но полиция и войска здесь не дали развернуться движению. Попытки московских рабочих поднять забастовку на Комоменском заводе при станции Голутвино не удались. В общем, по преуменьшенным официальным данным фабричных инспекторов, за неделю стачечным движением в Москве было охвачено 36 740 человек и по уездам — 7 195 человек. Фактическое число бастовавших, несомненно, было выше, достигая 70 тысяч человек.

Ведущую роль в забастовке играли металлисты. Они первые подняли знамя забастовки (завод Бромлея). Из общего числа 123 бастовавших предприятий на металлистов падает 56 (45%); среди бастовавших

рабочих 35% — металлисты.

В уезде, где преобладала текстильная промышленность с десятками тысяч текстилей, бастовало 3 мелких предприятия с 670 рабочими. Крупные предприятия уезда — Богородско-глуховская мануфактура, Подгорная мануфактура торгового дома Зиминых. Никольская мануфактура Саввы Морозова — бастовали позднее, в середине февраля.

Московская стачка в январские дни 1905 г. прошла менее развернуто, чем в Петербурге. Она не носила характера всеобщей забастовки. Здесь сказался тот факт, что московские рабочие, по преимуществу текстили, были к январю 1905 г. охвачены в меньшей сте

пени влиянием революционной социал-демократии. Последняя еще не успела достаточно укрепить свои связи с рабочей массой.

Владимир Ильич в статье «Первые уроки», напечатанной сейчас же после январских событий, говорит:

«Участие организованной революционной социалдеможратии было несравненно значительнее, чем в предыдущих стадиях движения, но все еще слабо и слабо по сравнению с гигантоким спросом активной пролетарской массы на социал-демократическое руководство».

С другой стороны, в Москве, как и в Петербурге, охранка и полиция встретили события жестокими преследованиями активных участников революционного движения.

Уже 9 января, до забастовки, в Москве были произведены аресты. Ежедневно в дни забастовки, с 10-го по 17-е, происходили аресты и обыски. Активных участников движения задерживали на улице. Всего за 7 дней было арестовано 164 человека, причем из этого числа было 103 рабочих. Таким путем полиции и охранке удалось изолировать активные силы, выдвинутые организацией на руководство забастовкой.

Вот те главные причины, которые не дали развернуться московской стачке и поставить во весь рост вопросы политической борьбы с самодержавием и

буржуазией в январе 1905 г.

О чем говорят донументы

Январские требования рабочих московских фабрик и заводов, взятые в целой, дают картину, ясно отражающую политический характер всего движения. Требование 8-часового дня, проходящее красной нитью через в се требования, было взято со знамени революционной социал-демократии, являясь в тот период боевым революционным лозунгом.

Политический характер движения подчеркивался требованиями неприкосновенности личности депутатов, безнаказанности за участие в стачке, свободного

празднования 1 Мая и т. д.

Даже буржуазия вынуждена была признать политический характер движения.

В протоколе совещания заводчиков механического производства от 8 февраля 1905 г. приводится такое

место из выступления заводчика Листа:

«В настоящее время все лишь заинтересованы в том, чтобы умиротворить возбуждение рабочих масс за счет предпринимательских карманов, упуская из виду, что главнейшим основанием текущих событий в рабочей среде является не столько ее экономическая обездоленность, сколько политическое закрепощение и естественное, быть может, и бессознательное стрем-ление сбросить его пнет».

Многочисленные требования бастующих заводов и другие документы этого периода ярко отражают кар-тину эксплоатации, которой подвергался московский рабочий. Они обнажают всю глубину тогдащнего эко-

номического и политического гнета.
Как свободно фабрикант распоряжался рабочим временем, показывает интересный документ — донесение начальника Тульского губернского жандармского управления подполковника Сазонова тульскому губернатору о недовольстве и революционном настроении рабочих Тульского патронного завода. Жандары сообщает губернатору о том, что недовольство рабочих создано попустительством фабричной инспекции. Вот

отрывок из этого интересного документа:

«Среди рабочих названного завода давно возникло недовольство тяжелыми условиями найма: так, например, рабочие обязаны приходить на завод к 6 часам упра, хотя работа начинается с 6½ часов утра и оканчивается в 7 часов вечера с перерывом в 2 часа на обед. Несмотря на то, что первые полчаса — от 6 до 61/2—в качестве свободного времени предназначены для утреннего чая (завтрака), опоздавшие на одну минуту штрафуются 20 копейками, опоздавшие же на 31 минуту, т. е. на одну рабочую минуту, штрафуются на 40 копеек й т. д., за каждые следующие полчаса еще по 20 копеск. Не претендуя на штраф за прогульное рабочее время, рабочие крайне недовольны существующими, с одобрения фабричной инспекции, означенными правилами штрафа за оповдание в первые полчаса, положенные для завтрака».

Дальше, приводя ряд требований, выработанных рабочими, автор упоминает также о требовании отмены существующего правила о бесплатной работе в течение дня за прогульный предыдущий день, независимо от того, что за тот же прогул взыскивается денежный штраф. Жандарм вынужден признать, что такой «порядок», «повидимому, не отвечает основным требованиям правил внутреннего распорядка».

Сверхурочные работы после 11¹/2-часового рабочего дня истощали рабочего. Хозяин же был здесь свободен от ограничения. В сводке фабричных инспекторов приводится такое утверждение инспекторов: «По существующим законам рабочие являются бессильными бороться как против усиленного произволства этих работ (сверхурочных), так и против произвольно устанавливаемой за них платы».

Это право хозяина заставить рабочего работать сверхурочно и платить ему за эту работу сколько хозяйская душа пожелает заставляло рабочих энергично протестовать против сверхурочных.

В требованиях рабочих завода Гужона соответствующий пункт сформулирован так: «Отменить сверхурочные работы. Примечание: в крайнем случае допустимы сверхурочные работы не более 4 часов в месяц; за 1 час сверхурочных работ — 2 часа». Рабочие фабрики Викулы Морозова по этому пункту требовали, «чтобы сдельных рабочих не принуждали к исполнению частных работ».

В свете этих фактов становится понятным требование о штрафах, встречаемое в большинстве петиций.

Тяжелое положение рабочих нашло отражение и в требованиях повышения заработной платы, предъявленных на всех забастовавших предприятиях.

Вот некоторые выдержки из этих требований:

Гужон: «Повышение поденной заработной платы: не менее 1 рубля 50 копеск мастеровому, 1 рубль рабочему и 50 копеск мальчику».

Гоппер и К°: «Увеличение заработной платы на 60%, увеличение заработной платы мальчиков до 50 копеек».

Густав Лист: «Платить обученным рабочим не менее 1 рубля в день и ежегодная прибавка жалова-

«RdI

Мануфактура И. Н. Зимина: «При врельных машинах усилить жалованье, а старших рабочих на оных сделать смотрителями с жалованьем не менее 20 рублей в месяц».

Ботородско-глуховская мануфактура: «Повышение заработной платы при сдельной, также и поденной работах рабочих: мужчинам — от 60 до 80 колеек в рабочий день, а женщинам — от 50 до 70 ко-

пеек».

Депо Москва Казанской дороги: «Взамен существующих ныне окладов 20 рублей для машинистов и 10 рублей для помощников установить наименьший оклад 35 рублей для поездных машинистов, 30 рублей для маневровых и 25 рублей и 20 рублей для помощников. Всех исправляющих должность машинистов и помощников зачислить в штат с 1 января сего года».

Из приведенного выдно, что рабочие добивались заработка в 20—25 рублей в месяц. Высококвалифицированные рабочие — железнодорожные машинисты имели постоянный оклад в 20 рублей, а их помощники — только 10 рублей в месяц. На Богородско-тлуховской мануфактуре рабочий зарабатывал 60 копеек, а работница — 50 копеек в день. В одном из документов фабричных инспекторов о январских забастовках делается такой вывод: «Вообще заработок рабочих, за исключением немногих производств, низок даже при самых отраниченных потребностях рабочих».

Во всех требованиях, как мы уже говорили, рабочие настаивают на 8-часовом рабочем дне. Но это требование сопровождается обычно еще рядом пунктов.

«уточняющих» вопрес о рабочем времени.

Во многих требованиях поставлен, например, вопрос о продолжительности рабочего времени в предпраздничные дни:

Рабочие Богородско-глуховской мануфактуры требуют окончания работ в субботу в 2 часа дня. В требованиях рабочих завода Гоппера этот пункт уточнен прибавлением: «с платой за полный рабочий день».
Вот требования рабочих машиностроительного за-

вода В. Гоппер и К°.

1. Учреждение комиссии из рабочих депутатов по приему и увольнению рабочих и по урегулированию заработной платы.

2. 8-мичасовой рабочий день.

- 3. Безусловное запрещение сверхурочных работ.
- 4. Окончание работы в субботу в 2 часа, с платою за полный день.
- 5. Выдача жалованья за полчаса до окончания работы.
- 6. Отмена поштучной и почасовой работы и замена ее для всех поденной работой.

7. Отмена работы на премию.

8. Увеличение заработной платы на 60%.

- 9. Увеличение заработной платы мальчикам до 50 копеек в день.
- 10. Отмена обысков и устройство библиотеки и передача ее в ведение комиссии депутатов.
- 11. Удаление табельщика Василия Александровича Абрамова, модельного мастера Сергея Матвеева, кузнечного мастера Арбузова и литейного мастера Александра Антонова.
- 12. Разрешение общего собрания рабочих на заводе по усмотрению депутации.
- 13. Устройство куба и умывальников во всех мастерских.

14. Мытье рук за 10 минут до окончания работы.

15. Отмена нормировки рабочих и передача ее в ведение мастера.

Из 15 пунктов требований 8-посвящены продолжительности рабочего времени, вопросам труда и его оплаты. Гопперовцы категорически протестуют против сверхурочных и сдельных работ, при помощи которых капиталист выкачивал из рабочих дополнительную прибыль,

Чего добились московские рабочие в результате забастовки в январские дни?

Ответ на этот вопрос дает очень ценный документ—«Протокол совещания заводчиков механического производства и по обработке металлов» от 8 февраля 1905 г. Вод выдержка из этого документа:

«Представитель машиностроительных заводов бывш, Вейхельд доложил, что спустя две недели после январской стачки, продолжавшейся 8 дней, заводоуправление добровольно согласилось по субботам приканчивать работу, в 2 часа вместо 5, уничтожив зато обычный обеденный 1½-часовой перерыв, так что введенная льгота для суббот выражается сокращением рабочего времени по субботам на 1½ часа. Во время указанной стачки никаких других уступок рабочим, кроме увеличения заработной поденной платы чернорабочим с 65 до 70 копеек (число чернорабочих не достигает более 25—30 человек), сделано не было

Представитель машиностройтельного завода Густава Листа доложил, что январская стачка у мих на заводе продолжалась 3 дня без одного часа. Администрация нашла возможным сократить рабочее время по субботам с 9½ часов до 9 часов. Кроме того, рабочим дано условное согласие убавить в субботу еще полчаса рабочего времени, если ими дано будет обещание не нарушать правил внутреннего распорядка: не опаздывать на работу, не влоупотреблять частыми кождениями «до ветра» и т. д. Ответа на это со стороны рабочих не последовало. В субботу 4 февраля рабочие самовольно ушли с работы в 4 часа. По этому поводу никаких мер пока не принято, решено подождать до следующей субботы.

На вагоностроительном заводе в Мытищах, по словам директора завода инженера Лабунского, забастовка в январе длилась полтора дня. Желания были предъявлены общие, как и в других местах. Уступок по основным требованиям сделано не было. Но обещано улучшить санитарные и гигиенические условия работы и выдачу кипятка. Спустя три недели после возобновления работ рабочие обратились с просьбой

заканчивать работы по субботам к 2 часам, мотивируя проживанием многих рабочих вдали от завода, вне Мытищ, и естественным желанием провести воскресенье вместе с семьей. Так как такое заявление представлялось вполне справедливым, завод пошелему навспречу, и теперь порядок работ установлен следующий: обычное число рабочих часов в день — 10, по субботам — 7 часов».

Уступки, сделанные рабочим, были незначительны Если Вейхельд и сократил рабочее время в субботу на три часа, заго он уничтожил в этот день обеденный перерыв. Требования железнодорожников по вопросам зарплаты и рабочего времени также остались неудовлетворенными, и железнодорожное начальство в своем отказе ссылалось на то, что все эти вопросы оно передало на разрешение министерства путей сообщения.

Против рабочих хозяева выступали единым фронтом. З февраля заводчики устроили совещание, чтобы организоваться и выступить сплоченно против рабочих.

«Только твердая воля и объединенные действия сднородных предприятий могут положить предел организующемуся комплоту рабочих, задавшихся целью политические свои идеалы осуществить при помощи экономической борьбы с фабрикантами и заводчиками», — говорит заводчик Лист.

Для руководства согласованными действиями против рабочих было в тот же день избрано бюро из представителей семи предприятий. Линия поведения на ближайшее время была намечена по столыпинской формуле: «сначала успокоение, потом реформы». Вот выдержка из протокола упомянутого совещания:

«Мнотим требованиям рабочих следует итти навстречу, но настоящий момент найден для этого неподходящим, так как малокультурные массы, не умеющие с достаточным хладнокровием относиться к переживаемым событиям, не в состоянии с достаточной ясностью оценить, какие их желания могут быть осуществлены, какие зависят от существующего в стране политического режима или хозяйственных условий времени, что вне личного усмотрения промышленника и что требует законодительной регламентации. Высказывалось, что всякая уступка вызывает со стороны рабочих требование дальнейших уступок, что примером может служить ход забастовки на Путиловском заводе, на заводе Товарищества американской резиновой мануфактуры и в других местах. Это мнение поддерживали представители Центрального электрического общества, машиностроительного завода Густава Листа и др.».

Хозяева приготовились к затяжной борьбе с рабочими, понимая, что эта борьба только начинается.

Они понимали, что рабочих нельзя удовлетворить подачкой в несколько лицних копеек в день или незначительным уменьшением продолжительности рабочего времени.

Рабочие уже заявляли свое право на рабочий контроль в вопросах приема и увольнения и в вопросах расценков.

Вот как ставился этот вопрос в требованиях рабочих:

Гужон: «Учреждение депутации от рабочих, с правом выбора на один год, для ознакомления администрации с нуждами рабочих и для участия ее с администрацией вместе в выработке расценка».

Густав Лист: «Третейский суд для разбирательства недоразумений всяких по поводу расценков и пр. администрации с рабочими — равное число с обеих сторон».

Московско-Казанская железная дорога, Алатырские мастерские: «Не должно быть увольнения мастеровых и рабочих без уважительных причии, и чтоо каждый проступок мастерового и рабочего, за который тот подвергается увольнению, должен быть раосмотрен г. начальником мастерских совместно с лицами, выбранными из среды мастеровых».

Московские мастерские Казанской железной дороги: «Установление комиссии для

разбора педоразумений между мастеровыми и начальством по выбору рабочих».

 Никольская мануфактура Саввы Морозова: «Каждый рабочий может быть уволен с фабрики только с согласия самих рабочих».

На все эти требования хозяева отвечали: «отклонить», «исполнено быть не может». Хозяин не хотед делить своих прав со своим подневольным, которого он третировал и угнетал.

Возмущенным протестом звучали в «требованиях» те пункты, в которых рабочий отстанвал права на уважение к своей личности:

«Отмена обысков во всех отделах фабрики» (Никольская мануфактура).

«Отменить надзор табельщика, а его, Соловьева, уволить с фабрики» (Богородско-глуховская мануфактура).

«Удаление табельщика Василия Александровича Абрамова, модельного мастера Сергея Матвеева, кузнечного мастера Арбузова и литейного мастера Александра Антонова в первую очередь» (Гоппер и К°).

Рабочие выступили против тех, кто в защиту интересов хозяина тирании рабочего, кто не уважал его человеческих прав. Пассажирские машинисты депо Москва Казанской железной дороги так требовали удаления начальника:

«Сместить временно исполняющего должность помощника начальника депо г. Молчанова, так как он позволяет себе весьма невежливое обращение є нами, доходящее до употребления в чисто служебных отнощениях нецензурных выражений, а на помощников и товарных машинистов позволял себе не раз бросаться даже с кулаками».

Следующая группа вопросов, выдвинутых в требованиях, — это вопросы жилища, быта, здравоохранения. Январские петиции навсегда запечатлели в босхитростных, часто нескладных, но всегда правдивых и выразительных формулировках тяжелое положение рабочего и его семьи:

«Соблюдать стротую очередь при снабжении рабочих хозяйскими квартирами (во избежание взяток)» (мануфактура Зимина).

«Отмена вычета за хозяйские квартиры» (Богород-

ско-глуховская мануфактура).

«Выдача квартирных денег рабочим, живущим на вольной квартире: по 1 рублю и 2 рубля 50 копеек семейным, также и одиноким, каждому без различия пола и возраста» (мануфактура Саввы Морозова). «

«Ограничить число рабочих в помещениях казарм, так чтобы в каждой комнате помещалось не более 6 человек. Это ограничение не должно касаться семей, ванимающих целые комнаты» (мануфактура Викулы Морозова).

«Помещать в казармы рабочих соответственно кубическому объему воздуха в помещении» (Т-во Зими-

на в Дрезне).

«Усилить вентиляцию в отхожих местах и спальных корпусах и следить за их чистотой» (Т-во Зимина

в Дрезне).

«Бани при фабрике топить ежедневно, не запирать их ни днем, ни ночью, дабы предоставить рабочим возможность мыться и стирать белье по мере возможности» (Т-во Зимина в Дрезне).

«Улучшение медицинской части, вежливого и добросовестного обращения с рабочими со стороны врачей, причем рабочим должно быть предоставлено право требовать увольнения недобросовестных врачей» (мануфактура Викулы Морозова).

Вот примерные требования железнодорожников:

«Чтобы доктора добросовестно обращались с рабочими, так как в настоящее время совершенно плохо занимаются с больными... За болезнь как увечным, так и больным выдавать поденно полностью».

«Усовершеиствовать клозеты, а то они не соответствуют назначению» (вагонное отделение Московско-Казанской железной дороги).

«Построить при Алатырских мастерских больницу с полным снабжением медицинскими медикаментами и открыть начальную ремесленную школу для детей желевнодорожных служащих».

«Улучшить вентиляцию в кузнице, так как мастеровые страдают от копоти и пыли, что вредно отражается на их здоровье, а также улучшить здание сборок в отношении отопления».

«Проездные билеты должны выдаваться не менее 4 раз в год, и пользовались бы ими все члены семьи» (Алатыюские мастерские Казанской железной дороги).

Требования металлистов сводились к тому же:

«Улучшение постановки мелицинской помощи рабочим и их семьям, бесплатный отпуск из заводской аптеки по вольным рецептам и внимание доктора к рабочим».

«Улучшение санитарно-гигиенических устройств в

мастерских всего завода» («Густав Лист»).

Следующая группа вопросов связяна с стремлением к удовлетворению культурных потребностей и к повышению квалификации.

Текстили, как и другие, требуют открытия библиотек и технических школ:

«Ввести техническо-ремесленные школы для рабочих» (мануфактура Саввы Морозова).

«Бесплатная библиотека» (Богородско-глуховская

мануфактура).

«Отмена обысков и устройств библиотеки и передача ее в ведение комиссии депутатов» (Гоппео и К°).

«В свободное и праздничное время разрешить чтение лекций по техническому отделу и устолить пои мастерских бесплатную библиотеку» (Алатырские мастерские Московско-Казанской железной дороги).

Требования рабочих отражают ясное сознание классовых интересов пробудившегося пролетариата;

«Обязательное государственное страхование рабочих на случай увечья, болезни, безработчны, стярости и смерти за счет предпринимателя» («Густав Лист»).

 «Двухнедельный отпуск с сохранением полной заработной платы всем рабочим; — каждый год» («Густав Лист»).

Ряд требований рабочих носит чисто политический

характер:

«Прекращение работ ! Мая» (Богородско-глуховская мануфактура). «Освободить от работ 1 Мая с сохранением полной платы за этот день» (мануфактура викулы Морозова)..

«Полной неприкосновенности личности и жилища рабочих. Рабочие могут быть увольняемы только по решению или с согласия самих расочих» (мануфактура Викулы Морозова).

«личность депутатов должна быть неприкосновенна» (железнодорожные мастерские Московско-Казанской железной дороги).

«Не увольнять мастеровых и рабочих за прекращение расот, а также и выоорных депутатов» (мастерские станции Перово).

«От заоастовки мастеровых чтоб никто не пострадал и жалованье со дня забастовки не прекращалось» (Алатырские мастерские Казанской железной дороги).

«За забастовку чтоб никто не пострадал, как-то:

не был уволен и арестован» («Густав Лист»).

Это еще не программа политических требований, но это первые политические шаги. Эти первые требования права стачек, права празднования международного рабочего дня 1 Мая, неприкосновенности личности рафочего депутата переросли через несколько месяцев уже в боевую политическую программу. Октябрьские треоования (1905 г. расочих упомянутого уже завода I устава Листа начинались так:

«Из чувства солидарности к забастовавшим товарищам рабочим-типографщикам, булочникам и трамвайщикам и из чувства протеста против произвола правительства и избиения наших забастовавших товарищей, мирно собравшихся для обсуждения своих нужд, мы, рабочие завода Листа, объявляем забастов-

ку и выставляем требования:

1. Созыва учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

2. Свободы слова, печати, собраний, союзов, ста-

3. Неприкосновенности личности и жилищ. 4. Государственное страхование рабочих.

 5. Амнистин пострадавшим за свои политические убеждения,

6. 8-часовой рабочий день.

7. Запрещение пользоваться детским трудом и что- бы учениками не пользовались, как чернорабочими

8. Уничтожение сверхурочных работ, а где это необходимо, то такие работы должны оплачиваться двойной платой» и т. д.

В предыдущем изложении мы уже коснулись тре-

бований текстилей.

В Москве среди текстильных предприятий в январские дни бастовала только Прохоровская Трехгорная мануфактура. Мы не располагаем, к сожалению, документами о требованиях рабочих этого предприятия. В записке, поданной Прохоровым московскому градоначальнику 30 декабря 1905 г., говорится: «Петербургское и бакинское движение вызвало целый ряд забастовок в Москве и захватило 14 января 1905 г. фабрики Т-ва Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Рабочие предъявили ряд требований экономического характера, выработанных бакинскими и петербургскими рабочими».

Забастовки текстилей проходили главным образом в феврале в Подмосковном районе. Этот район характерен тем, что здесь огромные мануфактуры с 10—15 тысячами рабочих раскинуты среди захолустных деревень, и рабочие этих мануфактур еще не порвали с сельским хозяйством. На этом стыке фабрики и деревни происходил процесс взаимного влияния ра-

бочего и крестьянина.

Влияние партийной организации, работавшей среди орехово-зуевских рабочих, иллюстрируется донесением уездного исправника Богородского уезда московскому губернатору 23 марта о настроениях ореховозуевских рабочих. Он описал эти настроения в этаком

исправническом стиле:

«24 марта в селе Зуеве собралась толпа рабочих до 500 человек с разных фабрик, рассеявшаяся сейчас же при появлении казаков. Хотя в этом сборище ничего противоправительственного высказано не было, но само по себе оно крайне угнетающе действует

на местное коренное население, так как свободно могло принять угрожающий характер и вызвать в среде

толны даже и буйство.

При этом долгом считаю доложить, что центром подстрекательств к забастовкам в селе Зуеве служит состоящее за рекой село Орехово, откуда, благодаря существованию в оном, как это достоверно обнаружено, нескольких шаек противоправительственного направления, совокупно именуемых «Орехово-зуевским социал-демократическим революционным комитетом», и направляется подстрекательное к забастовкам давление и на рабочих в селе Зуеве».

«Наблюдательный» исправник продолжает свое опи-

сание в том же полицейском духе:

«Существование и в настоящее время в селе Орехово подобных описанной выше шаек является фактом несомненным, и все эти шайки имеют непосредственную связь с кружками в Москве, Петербурге и других центральных местностях. В селе же Зуеве, как это пришлосы достаточно установить, как ранее, так и в настоящее время никаких шаек не существует. Следовательно, село Орехово как по отромному количеству рабочих, до 36 тысяч, так и по существующим в оном шайках является преобладающим центром влияния не только на село Зуево, имеющее рабочего люда всего около 2 тысяч, но и на другие фабричные

местности Богородского уезда.

Вредным элементом для села Зуева служит еще и то обстоятельство, что в оном проживают на квартирах до 6 тысяч человек рабочих с ореховских фабрик, преимущественно за неблагонадежность лишенных фабричных квартир, которые и являются разносителями злых агитационных намерений среди своих рабочих, а отчасти подстрекателями к забастовкам и зуевских рабочих, каковые забастовки, можно в виду этого предполагать, и не прекратятся и в близком будущем, а недостаточность в селе Зуеве полицейского надзора в лице пристава, 4 урядников и 8 городовых, без войска, усиливает в среде населяющего село рабочего класса брожение, всегда могущее вызвать беспорядки».

Но и усиление полицейского надзора уже не могло помочь делу, так как революционная «зараза» проникла дальше, в крестьянскую среду, найдя и здесь сочувственный отклик. Крестьяне уже знали, что красный флаг является символом борьбы за свободу. Можайский исправник доносит в апреле 1905 г.:

«В пределах Карачаровской волости рабочими, приехавшими домой на праздник пасхи, привезен для демонстраций среди местного населения красный флаг».

В другом донесении этого же исправника уже находят отражение контуры того крестьянского движения, которое огнем пожара освещало в 1905 г. осеннее небо:

«В пределах Глазовской волости разбросаны противоправительственные прокламации в тех селениях, жители которых уходят на фабрики, заводы и промышленные заведения. Раскидка прокламаций ставится в связь с возвращением этих рабочих на праздник пасхи, уже поддавшихся пропаганде в Москве. Замечается среди них озлобление против высшей правительственной власти. Держат себя вызывающе. Изменилось к худшему отношение к помещикам, их господам. Только влияние стариков удерживает от погромов помещичых усадеб и самовольного захвата всех вообще земель для передачи их крестьянам. В этом движении наиболее выделяются 6 наиболее активных рабочих и крестьян».

Рабочне революционизировали крестьян, но крестьянское влияние отражалось на психологии ткачей и прядильщиков московских уездов. Петиции и требования местами еще робки, местами более резко отражают недостаточную сознательность рабочих.

 Требование 8-часового рабочего дня здесь еще отсутствует. Рабочие Подгорной мануфактуры Зимина робко заявляют в первом пункте своей петиции:

«Просим покорнейше убавить рабочих часов, согласно с течением времени с прочими фабриками».

Рабочие Саввы Морозова домогаются:

«Установить 9-часовой рабочий день для денных с правом работ от 7 часов утра до 7 часов вечера с пе-

рерывом: 2 часа на обед и по 30 минут на утренний и

вечерний чай».

Рабочие Богородско-глуховской мануфактуры, предъявившие две петиции, одну за другой, в первой требовали: «Поставить обязательно 8-часовой рабочий день»; во второй пошли уже на уступки, добиваясь «сократить рабочий день до 9 часов».

Усздный текстильщик еще не так решителен, как московский рабочий, в его петициях звучит еще стиль

крепостного человека.

Борьбу с пережитками крепостного времени отраисают также пункты требований текстильциков, добивающихся разрешения покупки харчей в вольных лавках.

Эти пункты открывают перед нами завесу беззастенчивой эксплоатации крепостником-хозяниом своего во всех отношениях подневольного рабочего.

Вот чего добивались текстили:

«Дать свободу артели в закупке харчевых припасов в вольных лавках» (Богородско-глуховская мануфактура, Т-во Зимина в Зуеве).

«Улучшить продукты фабричной лавки, вменить в обязанность приказчику лавки лучше обращаться с

потребителями» (Т-во Зимина в Дрезне).

«Отпуск харчевых припасов с весу и получать доброкачественные продукты» (Богородско-глуховская мануфактура).

«Отпуск товаров из лавки производить не еженедельно один раз, а ежедневно» (Т-во Зимина в Дрез-

нe).

«Харчи вешать фунтами, а не четвертями или полуфуттами, кроме развешенных» (Т-во Зимина в Зуеве).

«Харчи просим писать отчетливо» (Т-во Зимина в

Зуеве).

«Харчевную таксу поставить согласно расценку на фабриках Саввы и Викулы Морозовых, и керосин чтобы был при харчевом амбаре», (Богородско-глуховская мануфактура, Т-во Зиминых в Зуеве).

Недостаточная сознательность рабочих, только пробудившихся к активной политической жизни, на-

шла, отражение в следующих пунктах требований рабочих Никольской мануфактуры Саввы Морозова:

«1. Распределить награду в этом году между слу-

жащими и рабочими.

2. Просить т-во об изменении в законном порядке параграфа устава Т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова с-вей и К° о распределении годовой прибыли известных процентов на заработный рубль за годичный срок как служащим, так и рабочим».

Читая петиции и гребования начала 1905 г. и сравнивая их с позднейшими требованиями московского пролетариата, ясно видишь, какой огромный путь прошла рабочая масса в несколько месяцев, отделяющих

январскую стачку от декабрьского восстания.

Авангард московского пролетариата в лице Московского комитета большевиков, организационно слабый в первые январские дни 1905 г., быстро овладевал движением, ведя рабочий класс к грядущим победам.

Московские большевики после 9 января 1905 года

Январским дням 1905 г. предшествовал в Москве ряд провалов партийной организации. Большевистский МК еще не успел как следует оправиться от этих ударов, когда грянуло 9 января, послужившее мощным толчком к широкому и бурному подъему рабочего движения. Январские события привели к огромному сдвигу в партийной жизни Москвы, создав новые, несравненно более благоприятные условия для развертывания партийной работы. Эти новые условия были немедленно с большевистским размахом и энергией использованы партией, развившей огромную массовую организационную, разъяснительную и агитационную деятельность. Организация новых ячеек, пропагандистских кружков, массовки, собрания, прокламации — по этим руслам широжими волнами полилась больщевистская активность.

Одним из наиболее ярких проявлений партийной деятельности в этот период, несомненно, являются прокламации, листовки, воззвания, которые изо дня в день в количестве 10—15 тысяч экземпляров проникали в гущу рабочей массы, пробуждая классовую сознательность и направляя революционную энергию на

борьбу с царизмом и буржуазией.
Каждое событие политической жизни, каждый заслуживающий внимания шат в деятельности различных партий или царизма — все это тотчас же вызывало отклик в прокламащиях, горячо разъясняющих, беспощадно разоблачающих и неизменно страстно и бодро вовущих к победе. Когда читаешь большевистские прокламации 1905 г., живо встают перед тобой не только все важнейшие события того времени, но одновременно и картина огромной активности партийной организации, стремящейся зажечь и охватить большевистским революционным пламенем широкие рабочие массы.

Вот получены первые известия о событиях 9 января, и МК РСДРП немедленно выпускает прокламацию, в которой призывает московских пролетариев поддержать своих петербургских братьев.

«Настал час расилаты с врагами. Довольно голода, довольно полицейских цепей, довольно кровопролит-

ной бойни, войны.

...В Петербурге бросили работу на всех фабриках и заводах, наши петербургские товарищи вышли на политическую демонстрацию.

Продилась кровь... прольется кровь и еще, пока не

будет низвергнуто самодержавие.

Товарищи, бросайте и вы все работу и — на улицу с криком: «Жить в свободе или умереть в борьбе».

Этой же задаче — поднять московских рабочих на поддержку петербургских товарищей—посвящено еще несколько листовок.

Одна из них содержит описание кровавых событий

9 января:

«Сообщения очевидцев из Петербурга таковы: на площади 9-го вечером, у Александровского сада и и других местах побоища, весь снет залит кровью. Па

решетке сада присохли во многих местах куски мяса. По улицам провозят убитых; все благоговейно снимают шапки и тихо шепчут в честь убитых. Между убитыми были и учащиеся; один студент был прострелен девятью пулями; он стоял впереди толпы и перед залном скомандовал толпе: «ложись». Толна легла, он был убит на месте. На Васильевском острове рабочий взошел на баррикаду и начал было говорить речь вой? скам. Его тут же солдаты подняли на штыки. Рабочие щли навстречу войскам — невооруженные, распахивая грудь. На них с тыла налетели конные гвардейцы и рубили шашками. Два пехотных полка отказались стрелять. В общем войска стреляли залпами в 13 местах без предупреждения. На улицах публика встречала войска криками: «Убийцы, это-ваша первая победа». Когда встречались офицеры, ехавшие на извозчиках, их стаскивали и избивали. Убиг один генерал. Рабочих убито около 800 человек, раненых — тысячи. С сестрорецких оружейных заводов двигаются к Петербургу рабочие, вооруженные ружьями.

Предателями народа будут те, кто не поддержит петербургских товарищей в их геройской борьбе и не крикнет вместе с ними:

Хлеба и свободы! 3-часового рабочего дня!

Повышения расценка!

Созыва выборных всей русской земли! Свободы стачек, свободы собраний, союзов и печати!

Немедленного заключения мира!

Пролитая кровь соединила всех русских рабочих в одну армию; у них всех теперь одно сердце, одна душа, одни помыслы».

По призыву большевиков московские рабочие бросили работу. Во второй половине дня 10 января забастовки начались на многих крупных предприятиях Москвы. Почти нет предприятий, на которых рабочие не предъявили бы своих требований предпринимателям. Выступившие нуждаются в поддержке всех трудящихся.

И Московский комитет нашей партии обращается с воззванием: «К гражданам» с призывом пойти за передовыми рабочими Москвы:

«Уже московские рабочие бросили работу, уже на улицах Москвы раздается боевой клич пролегариата:

«Долой самодержавие».

Московский пролегариат выходит на улицу, чтобы выразить свою солидарность с пролегариатом петербургским, — да не останется дома ни один свободолюбивый гражданин! Есть моменты, когда нельзя молчать, когда камни вопиют. Этот момент пришел. Пусты всякий, кто желает низвержения самодержавия, кто призывает свободу, — пусть всякий честный гражданин словом и делом поддержит пролегариат в его геройской борьбе за свободу России.

Пусть все, сознавшие тщету легальной и лойяльной борьбы за свободу, все, разуверившиеся в силе петиций и резолюций, пойдут за нами на единственный верный путь к свободе, на путь революционный. Да здравствует учредительное

собрание! Да здравствует республика!».

Партия диференцированно подходит к различным категориям трудящихся. Партия ведет работу и среди солдат. Солдат надо убедить в общности их интересов с интересами рабочих. Солдатские штыки надо повернуть в сторону угнетателей. И большевики от имени московских рабочих обращаются к солдатам с прокламацией, в которой с исключительной силой, простотой, ясностью рассказывается об общих нуждах угнетенных:

«Солдаты! Нас с вами родила одна родина. Вы, как и мы, вышли из трудящегося народа. Когда вас не забрали еще в войска, вы работали за тканким станком, стояли за прилавком, ходили за плугом. Вам знакомы ресни нищеты; вы энаете, что значит всю жизнь работать и всю жизнь голодать. Вы понимаете, каково глядеть на своих детей и думать: «Несчастные, вачем вы родились. Ведь вам на роду написана такая же мука, как и нам». От непосильной работы мы в 30 лет старики. От беспросветной нужды наши сестры и жены торгуют на улице своим телом. Нам хуже жить, чем

скоту: скот не понимает своих страданий. А мы ведь люди; мы понимаем, что нас давит не судьба, а человек. Нищего жмет миллионер; трудящегося рабочего обирает богатый ленивый бездельник. Правительство дало капиталистам полную власть над нами; мы такие же крепостные, какими были наши отцы. Вспомните вашу жизнь до казармы, и вы увищите, что наши слова не ложь, не притворство, а торькая, мучительная правда. Вы на себе испытали эту правду; и неужели теперь, когда вам прикажут: «стреляйте в рабочих», — вы сотнями будете убивать нас за то, что мы сказали о ней».

Далее в листовке подробно разъясняется, что означают требования рабочих о свободе стачек, собраний, союзов, печати. Заканчивается листовка требованием:

«Мы хотим, наконец, чтобы прекратилась бойня на Дальнем Востоке, чтобы солдат не носылали туда на убой, как пушечное мясо. Мы требуем: «Долой войну»

Царское правительство раскленвает на улицах и площадях Москвы телеграммы Лагинского телеграфного агентства о том, что выступления рабочих в России вызваны англо-японским союзом. И тотчае же разоблачая эту гнусность, московская организация большевиков бросает в массы новые листовки. В них разъэтсняется:

«Латинское агентство учреждено царским правительством для распространения в Европе заведомо неверных известий о войне. Теперь оно такие же слухи пытается распространить в России о рабочих. Кто приказал расклеить эту телеграмму? Защитник кнута и нагайки, угнетатель народа, московский главный жандарм Руднев: И ему, конечно, не удастся обмануть рус-

ский народ».

«...Не русский рабочий, а русское правительство изменило России. Тот, кто растоитал народные права,— вот кто изменник; тот, кто дал народу камень вместо хлеба, — вот кто изменник; тот, кто предал трудящихся людей богачам и чиновникам, — вот кто Иуда Искариот; тот, кто ради своей власти не задумался расстрелять тысячи безоружных людей,—вот кто продажный убийца. Имя этого изменчика, Иуды-убийцы—

царское правительство... В памятные дни 9 и 10 января весь русский народ понял это; у каждого ружа сжимается в кулак, у каждого сердце горит ненавистью и элобой. Только тогда, когда трудящийся люд отвоюет себе хлеб и свободу, настанет для него день воскресения».

Царские газеты извещают, что царь принял «рабочую делутацию», обратился к ней с «высокомилостивыми словами» и, «движимый состраданием», пожертвовал 50 тысяч рублей в пользу пострадавших 9 января.

Большевистская листовка немедленно спращивает:

«Что означает это известие? Действительно ли царь — друг рабочих? Действительно ли мы ощибаемся, думая, что царь и его сподвижники — главные виновники всех насилий, которым подвергаются рабочие, всех бесчисленных убийств, которые происходили в последние дни во всех концах России, главные пособники, главное препятствие для свободной борьбы рабочего класса за свои права, за улучшение своего положения в настоящем, за свое лучшее будущее?

Нет, товарищи, мы не опиблись и не опибаемся. Нет, тысячу раз нет. Мы и теперь, после всех этих «милостей» и «благоволений», еще с удесятеренной силой будем бороться против царского правительства, против этой гнусной щайки насильников, убийц и подлых обманщиков. Да, товарищи, царь не только насильник и убийца, он еще и подлый обманщик».

И дальше листовка разоблачает подлую комедию,

затеянную царским правительством.

«Царский палач Трепов собирает откуда-то никому неведомых шпионов и предателей, выдает их за «депутатов от рабочих» (а когда и кто их выбирал?) и

представляет их царю.

«Депутаты» под охраной царских опричников молча кланяются царю. Хороши, нечего сказать, эти немые «депутаты», да и что, собственно, могли бы сказать эти шпионы и предатели? Зато царь говорил необычайно много. И что же вышло из его речи? Оказалось, что вся вина наших убитых товарищей, по словам самого царя, заклюналась в том, что они шли все сообща подавать царю прошение. Теперь все рабочие

знают, за что милостивый батюшка-царь велит тысячами расстреливать рабочих. Может ли быть что-нибуль наглее такого заявления. Их убили за то, что они смирно шли, но шли не поодиночке, а все вместе. Вот какое преступление совершили наши убитые товарищи. Но наглость царя не остановилась на этом. Он позволил себе заявить, что он прощает рабочим...».

«Подлый убийца прощает своим жертвам. Дармоед прощает труженикам. Ненавистный насильник прощает угнетенному народу»:

«Но «милость» царя еще не ограничилась этим, его «мягкое» сердце не только полно прощения и симсхождения к рабочим, он даже из «сострадания» готов помочь этим «тяжким труженикам».

«Товарищи! Царккая милость—это лисий хвост, которым хотят замести следы пролитой по царскому приказу крови, это подлый обман, которым хотят засыпать глаза рабочему классу; царское правительство ме может дальше итти по пути убийств и насилия, оно пытается прибегнуть к обману. Но мы не дадим себя обмануть. Сегодня, как вчера, мы будем неустанно бороться против нашего злейшего врага.

Долой царское самодержавие!

Да здравствует самодержавие народа! Да здравствует народная республика!

Да здравствует социал-демократический пролета-

риат, передовой боец за свободу России!»

Большевистские прокламации не только разъясняют, убеждают, призывают, они в то же время вооружают рабочего боевыми аргументами, развевающими в прах ложь врага.

Отвечайте этим людям: «Да, отечество в опасности, потому что правительство и капиталисты из года в год душили рабочий люд. Они избивали нас хуже японцев; они разрывали отечество штыками. И, завоевывая себе хлеб и права, мы именно отстаиваем на-

стоящее отечество, защищаем подлинную, трудящуюся Россию от ее палачей и угнетателей».

Вам будут говорить: «Не бунтуйте: лучше просите слезно царя, чтобы он улучшил ваше положение»

Отвечайте: «Мы сотни лет плакали, — и сотни лет нам давали только цепи Мы сотни лет протягивали руку, — в ответ с нас брали последние лохмотья. И не для того мы теперь проснулись, чтобы просить милостыню, а для того, чтобы требовать право».

Время настало, и что нам нужно, мы добудем не

просьбами, а борьбой».

Листовка заканчивается изложением политических и экономических требований, за которые рабочий класс должен развернуть революционную борьбу:

Уже в первые дни января некоторые требования, предъявленные поднявшимися на борьбу московскими пролетариями, содержат не только экономические, но

и политические пункты,

Основной задачей партийной агитации и пропаганды было стимулировать перевод рабочего движения на высшую ступень борьбы, за широкие политические требования в первую очередь. Этой большевистской установкой проникнуты все прокламации Московского комитета партии. В некоторых листовках уделяется специальное внимание важности разрешения политических задач как необходимой предпосылки для завоевания лучших экономических условий.

«Товарищи! Нас обвиняют в том, что мы, социалдемократы, — политики. Нас обвиняют в том, что мы не ограничиваемся требованием уменьшения рабочего дня и повыщения расценок, а стоим за низвержение царского правительства. Отчего мы теперь страдаем, рабочие? Оттого, что нас обирают хозяева, оттого, что нас рассчитывают без важного повода, что на нас смотрят, как на скот. Но мы считаем себя за людей, и мы хотим улучшить свое положение. И вот, когда рабочие начинают бороться, устраивают стачки, сейчас же рядом с фабрикантами выступают полиция, жандармы, казащкие нагайки и шашки. Борьба против власти и полиции, жандармов и казаков есть борьба политическая. Ла, мы — политики». И дальше листовка подробно рассказывает, почему нужна борьба за свободу стачек, собраний, печати, почему необходимо свержение самодержавия, почему без разрешения этих политических задач невозможно обеспечить победоносную борьбу за действительное улучшение экономического положения рабобочего класса. Этой же теме посвящена и другая листовка:

«Правительство вместе с фабрикантами хотело объ-явить рабочим в Москве, что если они откажутся от политических требований, то остальные их требования будут удовлетворены, даже обещает в будущем со-кращение рабочего дня до 8 часов. Можем ли мы, товарищи, положиться на эти обещакия, можем ли мы отказаться от своих политических требований? Почему мы должны стоять за них до последней капли крови? Разве от этого наша заработная плата увеличится; разве от этого сократится рабочий день? Вспомните, товарищи, сотни своих убитых товарищей в Батуме, в Златоусте, в Баку и во многих других местах, и вы увидите, почему нам необходимо выставить политические требования, — рабочие в Златоусте, в Баку выставляли экономические требования, но в ответ на это в безоружную толпу женщин и детей стреляли, и на месте остались сотни убитых и раненых; то же делало правительство в других местах. Сегодия, если это будет угодно фабрикантам, они уступят нам, а завтра, если им будет угодно, в нас будут стрелять, нас будут убивать, как убивают собак.

Нас убивают, ссылаясь на закон, которым запрещаются всякие стачки, собрания, свободные речи. Если же мы потребуем свободы стачек, собраний и свободы слова, если мы потребуем, чтобы нас не убивали, то это требование будет требованием политическим. Тонятно, почему фабриканты и правительство не хотят, чтобы выставляли политические требования: им хочется иметь законное право убивать нас, котда им

вздумается.

Но правительству не обмануть нас».

Партия не ограничивается общим разъяснением важности политической борьбы. Добиваясь быстрого

перерастания массового экономического движения в вооруженное восстание, московские большевики правильно сосредоточили свое внимание на специфических нуждах рабочих отдельных крупных предприятий. Именно исходя из того, что близко рабочей массе, что непосредственно волнует ее в данный момент, и можно было особенно успешно разрешать задачу прояснения классового пролетарского сознания, задачу насыщения этого сознания боевым, революционным, большевистским содержанием.

Практически разрешая эту задачу, московская организация большевиков начинает издавать прокламации специально для рабочих отдельных предприятий. Эти прокламации отражают знание комкретных местных условий и отличаются особо ярким и сильным

описанием жизни и нужд рабочих.

«Кому из вас, товарищи, покажется, — говорится в обращении Московского комитета к рабочим фабрики Арманд, — что условия труда и жизни на нашей фабрике удовлетворяют хоть наполовину нашим самым необходимым потребностям? Видна ли со стороны хозяев хоть какая-нибудь заботливость о нас, о нашем здоровье? Нет... Да и зачем им заботиться об этом, когда заболевшего сменяет другой рабочий; изголодавшийся, без заработка, он соглашается на какие угодно условия и становится добровольно рабом. Посмотрите вокруг себя: все на фабрике устроено так, чтобы при наименьших затратах получилось больше дохода. Вентиляций нет никаких, а когда в сушилке и в отбельной жара становится невыносимой, открывают ожна, и морозный ветер обдает промокших, разгоряченных работой людей, и образовавшийся пар застилает туманом всю мастерскую, подвергая опасности натолкнуться на едущие вагонетки. Сыро, грязно, то нестерпимо жарко, то холодно. В красильном отделении рабочие ходят в воде, образовавшейся от оседающего пара; машины совершенно не опраждены для предупреждения несчастных случаев; свободные проходы узки и тесны, потому что машины, в интересах экономии места, расставлены слишком близко друг к другу. После работы в этих условиях нас, мокрых от сырости и пота, заставляют раздеваться на морозе для обыска. А когда, уставшие и продрогние, мы хотим отдохнуть, — к нашим услугам холодные, грязные спальни. Клозеты приспособлены к тому лишь, чтобы отравлять возлух и разносить заразу кругом. Полное

неблагоустройство во всем. В таких условиях, товарищи, рабопаем 11 часов в день и получаем 4, 8 и, самое большое, 12 с полтиной рублей. На эту нищенскую плату иные из час должны не только сами прожить, но содержать и семью. Теперь, когда вследствие войны у нас все продается дороже, мы еще сильнее чувствуем, что такая плата не удовлетворяет наших самых насущных потребностей: И мы не должны терпеть далее, мы должны, сплотившись в дружную силу, обратить внимание на рабочих, труд которых дает возможность хозяину жить припеваючи в своих хоромах. Пот и кровь выжимают из нас ежедневно в сущильне, в отбельной, в красильной, на всей фабрике страдаем мы. Мы болеем и полуголюдные валяемся на холодных койках среди грязи и вони... И все это для угоды хозяйскому брюху, поглощающему все, что создается нашим трудом. Не хотим мы дальше терпеть; мы будем боротыся. Но за ховяина заступится царь, как это бывало и раньше, когда наши товарици восставали в Екатеринославе, Киеве, Ростове, Златоусте, как это происходит в настоящее время в Баку. Царь пошлет на помощь хозяину городовых и солдат, чтобы усмирить нас, как шайку буянов; пошлет своих шпионов, чтобы они выловили зачинщиков среди нас, чтобы арестовали их и предали суду за то, что те стараются разъяснить нам всю несправедливость нашего положения и зовут к борьбе с насилием, за лучшее будущее... Да, царь поможет капиталу; и, вступая в борьбу с хозяином. надо готовиться к бою с царскими опричниками: они всегда будут стоять у нас на дороге, пока будет существовать царское самодержавие».

И вовзвание требует свержения царского самодержавия и установления демократической республики, так как только таким путем можно будет добиться условий для победоносной борьбы «с гнетом капиталистического строя, за полное освобождение труда, за уничтожение частной собственности на фабрики, заводы и землю, за переход всех этих орудий производства в руки государства, — одним словом, за социалистический строй. Долой капитализм! Да здравствует социализм! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!»

**

Революционная борьба московских рабочих, начавшаяся в январе, ширилась и росла. В этом расширении и росте рабочего движения решающую роль сыграла московская организация большевиков. На основе большевистских лозунгов московская партийная организация возглавила и организовала революционную борьбу московских рабочих, завершившуюся в декабре 1905 г. вооруженным восстанием против царя, помещиков и капиталистов.

Меньшевистская линия на буржуазную революцию и буржуазное правительство, — линия, предоставлявшая буржуазии роль гегемона в революции и отволившая пролегариату роль оппозиционного придатка к буржуазии, — была сметена ходом развертывающихся событий, целиком оправдавших большевистскую оценку революции и большевистскую тактику

в ней.

Предательскую линию меньшевиков поддерживал Иуда-Троцкий. Этот фашистский обер-бандит уже тогда вел ожесточенную борьбу против ленинской ли-иии. Контрреволюционная тактика Троцкого была раз-

облачена и отброшена ходом событий 1905 г.

Ленинско-сталинская линия нашей партии в революции 1905 г. мобилизовала рабочий класс на завоевание власти в союзе с крестьянством для осуществления буржуазно-демократической революции. Эта линия ориентировала в перспективе на перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, в диктатуру пролетариата.

Именно эта большевистская линия, которую Московский комитет партии проводил во всей своей работе, и в организационной области, и на собраниях и

массовках, и в листовках, и в прокламациях, — именно эта большевистская линия и обусловила тот факстиго в короткий период московский пролетармат прометь от экономических стачек к декабрыскому восстанию.

Вот почему революция 1905 г. явилась, по ыраже

нию Ленина, репетицией революции 1917 г.

Та же линия Ленина — Сталина, которая успешно проводилась всей партией и Московским комитетом в 1905 г., — та же линия привела в 1917 г. рабочий класс России к завоеванию диктатуры пролетариата и победе советского строя. Эта же линия Ленина — Сталина обеспечила полную победу социализмана оденой шестой части земного шара.

Советский народ под руководством великого те ния человечества— товарища Сталина построил мом тучее социалистическое государство рабочих и крестьям и добился всемирно-исторических побед, ярко отраженных и закрепленных в Сталинской Конститу-

ции победившего социализма.

